

УДК 343.102

ПРЕДАНИЕ ГЛАСНОСТИ СВЕДЕНИЙ, СОСТАВЛЯЮЩИХ ГОСУДАРСТВЕННУЮ ТАЙНУ, В ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: СУЩНОСТЬ И СОДЕРЖАНИЕ

Николай Владимирович Павличенко

Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказания Российской Федерации, Москва, Россия, pavlichenko.pro@mail.ru

Аннотация. Автор рассматривает термин «предание гласности сведений, составляющих государственную тайну, в оперативно-разыскной деятельности» с этимологической и практической точек зрения. Для уяснения сущности предания гласности изучаются соприкосновенные термины «рассекречивание», «разглашение» и «передача сведений ограниченного распространения», которые, по мнению автора, находятся в родо-видовом подчинении указанному термину. Это позволяет нам говорить о том, что предание гласности сведений, составляющих государственную тайну, в оперативно-разыскной деятельности представляет собой процесс распространения защищаемой оперативно-разыскными органами информации путем предусмотренных законом процедур рассекречивания и передачи информации ограниченного распространения и, помимо этого, посредством разглашения. Автор предлагает внести изменения в ряд нормативных правовых актов, которые будут способствовать правовой регламентации предания гласности информации, формируемой при осуществлении оперативно-разыскной деятельности.

Предлагаемая автором иерархия терминов требует нового подхода к изложению ст. 12 Федерального закона «Об оперативно-разыскной деятельности» от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ, учитывающего умысел на предоставление сведений, составляющих государственную тайну, третьим лицам.

Ключевые слова: гласность, негласность, оперативно-разыскная деятельность, предание гласности, рассекречивание, разглашение

Для цитирования: Павличенко Н. В. Предание гласности сведений, составляющих государственную тайну, в оперативно-разыскной деятельности: сущность и содержание // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2025. № 3 (74). С. 117—124.

GIVING PUBLICITY TO INFORMATION CONSTITUTING A STATE SECRET IN DETECTIVE ACTIVITIES: ESSENCE AND CONTENT

Nickolai Vladimirovich Pavlichenko

Research institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation, Moscow, Russia, pavlichenko.pro@mail.ru

Abstract. The author examines the term "giving publicity to information constituting a state secret in detective activities" from the etymological and practical points of view. In order to clarify the essence of giving publicity, the related terms "declassification", "divulcation" and "transfer of information of limited distribution" are examined, which, in the author's opinion, are in sort and type subordination to the specified term. This fact gives us an opportunity to say that giving publicity to information constituting a state secret in detective activities is a process to spread information protected by detective agencies through the procedures of declassification and transfer of information of limited spread provided by law and, in addition, through divulcation. The author proposes to amend a number of normative legal acts that will facilitate the legal regulation of giving publicity to information generated during the implementation of detective activities. The hierarchy of terms proposed by the author requires a new approach to the presentation of Art. 12 of the Federal Law "On Detective Activities" of August 12, 1995 No. 144-FZ, which takes into account the intent to provide information constituting a state secret to third parties.

Keywords: publicity, secrecy (non-publicity), detective activities, giving publicity, declassification, divulgation

For citation: Pavlichenko N. V. Giving publicity to information constituting a state secret in detective activities: essence and content. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 117—124, 2025. (In Russ.).

Сотрудники оперативных подразделений ежедневно сталкиваются с информацией, оборот которой ограничен и строго регламентирован предписаниями различного уровня — от законодательства до ведомственных приказов. По сути, наличие негласной, тайной и ограниченной в обороте информации делает оперативно-разыскную деятельность собственно оперативно-разыскной. Полагаем, что именно негласность в первую очередь выступает тем свойством оперативно-разыскной деятельности, которое отличает ее от любых других видов деятельности правоохранительной направленности.

Этот вывод мы делаем не только потому, что негласность как основная составляющая фигурирует в норме-дефиниции ст. 1 Федерального закона «Об оперативно-разыскной деятельности» от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (далее — Закон об ОРД), но и потому, что этот термин используется еще в 15 нормах, составляющих основу рассматриваемого нормативного правового акта. В связи с этим в определении Конституционного суда Российской Федерации от 14 июля 1998 г. № 86-О справедливо отмечается, что оперативно-разыскная деятельность объективно невозможна без значительной степени секретности. Прежде всего это касается сведений о лицах, участвующих в ней или способствующих ей¹.

На соблюдение и сохранение тайны обращают наше внимание ряд статей Закона об ОРД, где говорится, что сведения об используемых или использованных при проведении негласных оперативно-разыскных мероприятий силах, средствах, источниках, методах, планах и результатах оперативно-разыскной деятельности, о лицах, внедренных в организованные преступные группы, о штатных негласных сотрудниках органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность, и о лицах, оказывающих им содействие на конфиденциальной основе, а также об организации и о тактике проведения оперативно-разыскных

мероприятий составляют государственную тайну (ст. 12 Закона об ОРД).

Вместе с тем для достижения задач оперативно-разыскной деятельности «закрытая» от окружающей информация, как «статическое состояние системы, скрываемой от определенных лиц» [1, с. 112] в ряде случаев должна перейти в другой статус и быть открыта для ознакомления. В первую очередь это относится к субъектам уголовного процесса (суду (судье), прокурору, осуществляющему надзор за законностью оперативно-разыскной деятельности, следователю и органу дознания). Кроме того, это необходимо и для решения сугубо оперативно-тактических задач оперативно-разыскных органов.

Интересно, что для снятия статуса негласности с той или иной оперативно-разыскной информации законодатель использует два термина: «рассекречивание» и «предание гласности». В то же время термин «рассекречивание» в оперативно-разыском законе используется для всей совокупности «закрытой информации» (ч. 1 ст. 12 Закона об ОРД), а термин «предание гласности» — применительно к сведениям о лицах, внедренных в организованные преступные группы, о штатных негласных сотрудниках органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность, а также о лицах, оказывающих или оказывавших им содействие на конфиденциальной основе (ч. 2 ст. 12 Закона об ОРД).

Нам представляется, что подобная позиция законодателя спорна. Для пояснения своей точки зрения проведем лексический анализ используемого термина «предание гласности», так как в нашем представлении он является более общим и поглощает иные термины, описывающие процесс перехода конфиденциальной информации от одного субъекта к другому.

Достаточно часто значение предания гласности в обыденном понимании ассоциируется с такими лексическими единицами, как «озвучить что-либо» или «огласить что-либо», которые нередко используются как синонимы. Так, согласно «Большому толковому словарю правильной русской речи», «озвучить (огласить) что-либо можно путем «доведения до всеобщего сведения, предания гласности» [2], при этом сам термин «предание гласности», состоящий из двух слов, может трак-

¹ По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об оперативно-разыскной деятельности» по жалобе гражданки И. Г. Черновой: определение Конституционного суда Российской Федерации от 14 июля 1998 г. № 86-О // Российская газета. 1998. 11 авг.

товаться как «способ сделать (подвергнуть действию) [3, с. 569] информацию доступной для всеобщего ознакомления или обсуждения [3, с. 128]». Иными словами, предать гласности информацию, полученную в рамках оперативно-разыскной деятельности, значит сделать ее доступной для тех лиц, которые к ней не допущены. В то же время объем и содержание информации, степень ее секретности значения не имеют.

С учетом изложенного можно предварительно констатировать, что законодатель в Законе об ОРД значительно сузил применение данной терминологической единицы исключительно до разглашения сведений о лицах, внедренных в организованные преступные группы, о штатных негласных сотрудниках органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность, а также о лицах, оказывающих или оказывавших им содействие на конфиденциальной основе (ч. 2 ст. 12 Закона об ОРД).

Иной, расширительный подход к понятию «предание гласности» наблюдаем в уголовно-процессуальном законодательстве, где говорится, что данные предварительного расследования (любые данные) могут быть **преданы гласности** лишь с разрешения следователя, дознавателя (ст. 161 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (далее — УПК РФ)). Подобный подход присутствует и в уголовном праве, где объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 311 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (далее — УК РФ), состоит в предании гласности сведений о мерах безопасности, в результате чего они становятся известными хотя бы одному постороннему лицу.

Исходя из этого предлагаем предание гласности рассматривать как родовой термин, и соответственно, предать гласности сведения, сформированные в рамках оперативно-разыскной деятельности, можно на законных основаниях с использованием легитимных процедур, которые предусмотрены в ч. 1 ст. 12 Закона об ОРД, т. е. путем **рассекречивания**, а также ч. 2 ст. 12 Закона об ОРД, применительно к оговоренной категории лиц — с их согласия в письменной форме и в случаях, предусмотренных федеральными законами. И в том и другом случае необходимо руководствоваться ст. 13 Закона Российской Федерации «О государственной тайне», где под рассекречиванием понимается «снятие ранее введенных в предусмотренном настоящим законом порядке ограничений на распространение сведений, *составляющих государственную тайну*» (курсив наш. — Н. П.),

и на доступ к их носителям». В части второй этой же статьи указываются основания для рассекречивания. Основное из них — изменение объективных обстоятельств, вследствие которого дальнейшая защита сведений, составляющих государственную тайну, является нецелесообразной¹.

Вместе с тем предать гласности сведения, составляющие государственную тайну, возможно путем «злоупотребления тайной» [4], а именно путем совершения организационно-тактических ошибок и непрофессиональных действий обладателей этой тайны, что может привести к незаконному ознакомлению с этими сведениями третьими лицами.

Обозначенные выше ошибки и непрофессиональные действия могут выражаться по аналогии с формами вины в *легкомыслии*, когда обладатель негласных сведений предвидел возможность наступления общественно опасных последствий своих действий (бездействия), но без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывал на предотвращение этих последствий, или *небрежности*, когда он же не предвидел возможности наступления общественно опасных последствий своих действий (бездействия), хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должен был и мог предвидеть эти последствия. Все эти действия лиц, обладающих негласными сведениями, следует характеризовать как разглашение оперативно-разыскных сведений и при необходимости привлекать к уголовной (квалифицировать по ст. 284 УК РФ), административной, гражданско-правовой или дисциплинарной ответственности в соответствии с действующим законодательством в зависимости от ущерба причиненного неправомерными действиями.

Как видим, появляется еще один термин — «разглашение», который имеет негативную окраску и связан с обнародованием защищаемых сведений оперативно-разыскными органами без надлежащих правовых процедур, предусмотренных нормативными правовыми актами. Эта позиция находит свое воплощение и в других нормативных правовых предписаниях. В частности, о **разглашении** государственной тайны в негативном ключе говорится в ст. 21.2 и 22 Закона РФ «О государственной тайне». В такой же негативной окраске в ст. 161 УПК РФ говорится о **разглашении** данных предварительного расследования следо-

¹ О государственной тайне: закон Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5485-1 // Рос. газ.. 1993. 21 сент.

вателем или дознавателем, если это противоречит интересам предварительного расследования и связано с нарушением прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства. Кроме того, акцентируется внимание на том, что разглашение данных о частной жизни участников уголовного судопроизводства без их согласия не допускается. Совокупность статей уголовного закона описывает негативные действия субъекта преступления посредством разглашения тех или иных сведений: ст. 283 «Разглашение государственной тайны», ст. 310 «Разглашение данных предварительного расследования», ст. 311 «Разглашение сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении судьи и участников уголовного процесса» и ряд других.

Необходимо отметить, что подобный подход законодателя не только касается сведений, составляющих государственную тайну, но и, как свидетельствует оперативно-разыскной закон в ст. 12.1, сведений ограниченного распространения, содержащихся в запросах, направляемых гражданам и организациям в процессе осуществления оперативно-разыскной деятельности, которые также не подлежат разглашению.

Таким образом, разглашение информации, сформированной в оперативно-разыскной сфере, — это несанкционированное (незаконное) ознакомление с любой защищаемой информацией лицами, которые к ней не допущены, без надлежащих правовых процедур, предусмотренных нормативными правовыми актами. И в этом мы согласны с А. И. Тамбовцевым, что данное несанкционированное ознакомление с функциональной точки зрения может заключаться в неких поведенческих вербальных и невербальных — устных, письменных, объектных, знаковых, жестовых, публикационных и пр. — способах раскрытия каких-либо сведений, информации в любой ее форме, и в активной, и в пассивной [5].

На основании сказанного нам представляется, что законодатель использует три термина для нормативного регламентирования процесса предоставления третьим лицам информации, образуемой в процессе оперативно-разыскной деятельности и охраняемой сотрудниками оперативно-разыскных органов в целях эффективного решения стоящих перед ними задач: «предание гласности», «рассекречивание» и «разглашение».

Однако полагаем, что в представленной триаде терминов не хватает еще одного, описывающего процесс перехода информации ограниченного распространения от ее владельца к третьим лицам.

Так, согласно Закону об ОРД и Закону РФ «О государственной тайне» к государственной и иной тайне, сформированной в процессе реализации оперативно-разыскной деятельности, могут быть допущены:

1. Президент Российской Федерации, Федеральное Собрание Российской Федерации, Правительство Российской Федерации в пределах полномочий, определяемых Конституцией Российской Федерации, федеральными конституционными законами и федеральными законами (ст. 20 Закона об ОРД).

2. В рамках прокурорского надзора (ст. 21 Закона об ОРД) генеральный прокурор Российской Федерации и уполномоченные им прокуроры.

Согласно действующим нормативным правовым актам им предоставляются оперативно-служебные документы, материалы о проведении оперативно-разыскных мероприятий, учетно-регистрационные документы, ведомственные нормативные правовые акты, регламентирующие порядок проведения оперативно-разыскных мероприятий. Информация же о лицах, внедренных в организованные преступные группы, о штатных негласных сотрудниках органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность, а также о лицах, оказывающих содействие этим органам на конфиденциальной основе, им может быть представлена при соблюдении процедуры, изложенной в ст. 12 Закона об ОРД.

3. В рамках ведомственного контроля к сведениям, составляющим государственную тайну, допущены руководители органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность, которые согласно ст. 22 Закона об ОРД несут персональную ответственность за соблюдение законности при организации и проведении оперативно-разыскных мероприятий.

4. В рамках санкционирования оперативно-разыскных мероприятий информацией ограниченного распространения обладает соответствующий судья, который в рамках судебного контроля рассматривает материалы об ограничении конституционных прав граждан на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электрической и почтовой связи, на неприкосновенность жилища при проведении оперативно-разыскных мероприятий (ч. 1 ст. 9 Закона об ОРД). Кроме того, судья допущен к рассмотрению дел на стадии судебного разбирательства, где анализируются закрытые ведомственные нормативные правовые акты и их правоприменение, а также участ-

вуют субъекты, информация о которых ограничена для широкой общественности.

5. В рамках оперативно-служебной деятельности возможна передача сведений, составляющих государственную тайну, осуществляемая органами государственной власти, предприятиями, учреждениями и организациями, не состоящими в отношениях подчиненности и не выполняющими совместных работ, с санкции органа государственной власти, в распоряжении которого находятся эти сведения (ст. 16 Закона РФ «О государственной тайне»), а также другим государствам или международным организациям при наличии экспертного заключения межведомственной комиссии по защите государственной тайны о возможности передачи этих сведений (ст. 18 Закона РФ «О государственной тайне»).

В представленных выше случаях информация передается субъекту, уполномоченному ознакомиться с ней, во-первых, в рамках нормативных правовых процедур и, во-вторых, исключительно для решения поставленных перед ним задач. В первом случае — осуществление президентского, парламентского и иного контроля, во втором — прокурорского надзора, в третьем — ведомственного контроля, в четвертом — судебного контроля, в пятом — для решения задач оперативно-служебной деятельности.

Иными словами, информация от субъекта, обладающего государственной тайной, передается другому субъекту, имеющему соответствующие нормативно закрепленные права, обладающему соответствующей формой допуска и использующему предоставляемую ему информацию, исключительно в рамках представленных ему полномочий. Подобная *передача информации ограниченного распространения* не подпадает под вышеперечисленные термины «рассекречивание» и «разглашение», так как в первом случае не происходит снятия ранее введенных ограничений на распространение сведений, *составляющих государственную тайну*, и на доступ к их носителям¹, а во втором — передача информации ограниченного распространения осуществляется на законных основаниях лицам, которые к ней допущены, с применением надлежащих правовых процедур, предусмотренных нормативными правовыми актами. Полагаем, что вышеизложенные доводы аргументированно обосновали наличие еще одной формы предания гласности сведений, составляющих госу-

дарственную тайну, — передачи информации ограниченного распространения.

Анализ оперативно-разыскной практики и текста действующего оперативно-разыскного закона свидетельствует о том, что передача информации ограниченного распространения осуществляется еще одной категории лиц — лицам, оказывающим конфиденциальное содействие оперативно-разыскным органам. Согласно ст. 17 Закона об ОРД в рамках конфиденциального содействия информация ограниченного распространения может быть представлена лицам, привлекаемым к подготовке или проведению оперативно-разыскных мероприятий. Достаточно сказать, что сам факт содействия оперативно-разыскным органам, информация о силах, средствах, источниках, методах, планах и результатах оперативно-разыскной деятельности подпадает под перечень сведений, отнесенных к государственной тайне, утвержденный Указом Президента России от 30 ноября 1995 г. № 1203². Именно по этой причине нормативно определено, что эти лица обязаны сохранять в тайне сведения, ставшие им известными в ходе подготовки или проведения оперативно-разыскных мероприятий.

Вместе с тем в Законе РФ «О государственной тайне» лица, оказывающие содействие оперативно-разыскным органам, в качестве субъекта, которому могут быть представлены сведения, отнесенные законодательством к государственной тайне, не фигурируют. Если это так, то передача подобных сведений от оперативно-разыскного органа к лицу, оказывающему ему содействие, подпадает в рамках наших рассуждений к категории разглашения государственной тайны. Возникает противоречие между потребностью оперативно-разыскной практики и отсутствием нормативных предписаний, регламентирующих процедуру передачи обсуждаемых сведений.

Ранее мы предлагали комплексное решение этой проблемы [6] путем внедрения упрощенной процедуры допуска к государственной тайне лиц, оказывающих содействие оперативно-разыскным органам, как это предусмотрено для определенных лиц, занимающих должности, перечисленные в ст. 21.1 Закона РФ «О государственной тайне», и возможностью признания законодателем правовых отношений между лицом, оказывающим со-

¹ О государственной тайне: закон Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5485-1.

² Об утверждении перечня сведений, отнесенных к государственной тайне: указ Президента Российской Федерации от 30 ноября 1995 г. № 1203 // Рос. газ. 1995. 27 дек.

действие органам, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность, и самими этими органами в качестве трудовых [7]. Наша идея нашла свое частичное воплощение в рекомендациях по сближению и гармонизации законов государств — членов Организации Договора о коллективной безопасности в сфере оперативно-разыскной деятельности (далее — Рекомендации)¹ от 26 ноября 2015 г. № 8-14, где говорится, что целесообразно законодательно легализовать сложившуюся практику передачи конфидентам в целях решения задач оперативно-разыскной деятельности сведений, составляющих государственную тайну. Предлагается следующая редакция соответствующей нормы: «Лица, конфиденциально сотрудничающие по контракту с органом, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность, могут по решению данного органа допускаться к сведениям, составляющим государственную тайну в сфере оперативно-разыскной деятельности, в объеме, необходимом для исполнения своих обязанностей. Порядок допуска данных лиц к сведениям, составляющим государственную тайну, определяется органом, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность».

Целиком и полностью соглашаясь с подобным предложением, следует отметить два обстоятельства.

Во-первых, порядок допуска данных лиц к сведениям, составляющим государственную тайну, не может определяться органом, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность. Именно поэтому предложенная норма об упрощенной процедуре допуска к государственной тайне лиц, оказывающих содействие оперативно-разыскным органам, должна найти свое воплощение не в оперативно-разыском законодательстве (а именно оно стало предметом совершенствования в рамках заседания Парламентской Ассамблеи ОДКБ от 26 ноября 2015 г. № 8-14), а в Законе РФ «О государственной тайне», где в ч. 1 ст. 21.1 уже имеются категории лиц, допущенных к государственной тайне на так называемой ситуативной основе: адвокаты, участвующие в судопроизводстве по делам, содержащим сведения, составляющие государственную тайну, а также граждане Россий-

ской Федерации, являющиеся участниками уголовного судопроизводства по делам, содержащим сведения, составляющие государственную тайну, и не замещающие должностей, предусматривающих допуск к государственной тайне на постоянной основе.

Допуск этих лиц к государственной тайне предоставляется на ограниченное время — на период их участия в уголовном судопроизводстве в случаях, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации. Полагаем, что и лица, оказывающие содействие, при реализации подобной нормы в Законе РФ «О государственной тайне» должны быть допущены к государственной тайне на период оказания содействия оперативно-разыскному органу.

Во-вторых, предложение об упрощенном допуске конфиденгов к государственной тайне в Рекомендациях ограничивается исключительно лицами, оказывающими конфиденциальное сотрудничество, которое в этих же Рекомендациях определяется как «предусмотренная и охраняемая законом конфиденциальная добровольная возмездная деятельность совершеннолетнего дееспособного лица по выполнению им условий контракта, заключенного с ним органом, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность, в целях решения ее задач»². Подобное субъектное ограничение позволяет сделать вывод, что лица, оказывающие конфиденциальное содействие (без выполнения контрактных обязательств), не должны быть допущены к государственной тайне, что противоречит логике законодателя и оперативно-разыскной практике. Сложно не согласиться с тем, что невозможно соблюдать конфиденциальность содействия, не будучи допущенным к государственной тайне. Это две взаимоисключающие категории.

Полагаем, необходимо срочно зафиксировать в рамках правового поля уже существующую конструкцию передачи сведений ограниченного распространения от оперативно-разыскного органа к лицу, оказывающему ему содействие. Нормы, фиксирующие возможность упрощенного допуска конфиденгов к государственной тайне, должны быть сосредоточены не в оперативно-разыском законодательстве, а в Законе РФ «О государственной тайне» и детализированы в постановлении Правительства Российской Федерации «Об утверждении

¹ Рекомендации по сближению и гармонизации законов государств — членов Организации Договора о коллективной безопасности в сфере оперативно-разыскной деятельности от 26 ноября 2015 г. № 8-14. URL: <https://paodkb.org/documents/rekomendatsii-po-sblizheniyu-i-garmonizatsii-zakonov-gosudarstv> (дата обращения: 23.06.2025).

² Рекомендации по сближению и гармонизации законов государств — членов Организации Договора о коллективной безопасности в сфере оперативно-разыскной деятельности от 26 ноября 2015 г. № 8-14.

Правил допуска должностных лиц и граждан Российской Федерации к государственной тайне» от 7 февраля 2024 г.¹

Подводя итог рассуждений категориального аппарата, описывающего процесс предания гласности сведений, составляющих государственную тайну, следует констатировать, что термин «предание гласности» шире трех терминов «рассекречивание», «разглашение» и «передача информации ограниченного распространения», при этом включает их в себя как естественные составляющие и находится с ними в родо-видовом подчинении. Это позволяет нам говорить, что предание гласности сведений, составляющих государственную

тайну, в оперативно-разыскной деятельности представляет собой процесс распространения защищаемой оперативно-разыскными органами информации путем предусмотренных законом процедур в виде рассекречивания и передачи информации ограниченного распространения и, помимо этих процедур, путем разглашения. Предлагаемая автором иерархия терминов требует нового подхода к изложению ст. 12 Федерального закона «Об оперативно-разыскной деятельности», учитывающего умысел на предоставление сведений, составляющих государственную тайну, третьим лицам.

1. Павличенко Н. В. Предпосылки формирования частной теории негласности раскрытия и расследования преступлений // Правовая парадигма. 2017. Т. 16, № 2. С. 109—116.

2. Скворцова Л. И. Большой толковый словарь правильной русской речи. Санкт-Петербург: Дилія, 2006. 1136 с.

3. Ожегов С. И. Словарь русского языка: ок. 53 000 слов. 8-е изд., стер. Москва: Сов. энцикл., 1970. 900 с.

4. Маслов А. Е. Злоупотребление тайной // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Право». 2023. № 1. С. 207—213.

5. Тамбовцев А. И. Содержательно-правовой анализ понятия «предание гласности» в оперативно-разыскной деятельности // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 4. С. 112—118.

6. Павличенко Н. В., Поправко А. С. Обеспечение государственной тайны в работе с лицами, оказывающими конфиденциальное содействие // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2013. № 1 (24). С. 92—97.

7. Луговик С. В., Павличенко Н. В. Природа правоотношений между конфидентами и органами, осуществляющими оперативно-разыскную деятельность // Оперативник (сыщик). 2011. № 1. С. 12—17.

1. Pavlichenko N. V. Prerequisites to form a private theory of secrecy in the detection and investigation of crimes. *Legal Paradigm*, 109—116, 2017. (In Russ.).

2. Skvortsova L. I. The great dictionary of correct Russian speech. Saint Petersburg: Dilya; 2006: 1136. (In Russ.).

3. Ozhegov S. I. Dictionary of the Russian Language: approx. 53,000 words. 8th ed., ster. Moscow: Soviet Encyclopedia; 1970: 900. (In Russ.).

4. Maslov A. Ye. Secrecy abuse. *Bulletin of the Voronezh State University. Series "Law"*, 207—213, 2023. (In Russ.).

5. Tambovtsev A. I. Substantive and legal analysis of the concept of "giving publicity" in detective activities. *Bulletin of the Kaliningrad branch of the Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 112—118, 2024. (In Russ.).

6. Pavlichenko N. V., Popravko A. S. Ensuring state secrets, while working with persons providing confidential assistance. *Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia*, 92—97, 2013. (In Russ.).

7. Lugovik S. V., Pavlichenko N. V. The nature of legal relations among confidants and detective activities bodies. *Detective*, 12—17, 2011. (In Russ.).

¹ Об утверждении Правил допуска должностных лиц и граждан Российской Федерации к государственной тайне: постановление Правительства Российской Федерации от 7 февраля 2024 г. // СЗ РФ. 2027. № 7. Ст. 973.

Павличенко Николай Владимирович,
главный научный сотрудник
Научно-исследовательского института
Федеральной службы исполнения наказания
Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации;
pavlichenko.pro@mail.ru

Pavlichenko Nikolai Vladimirovich,
chief research scholar of the Research institute
of the Federal Penitentiary Service
of the Russian Federation,
doctor of juridical sciences, full professor,
honored lawyer of the Russian Federation;
pavlichenko.pro@mail.ru

Статья поступила в редакцию 28.04.2025; одобрена после рецензирования 06.05.2025; принята к публикации 02.09.2025.

The article was submitted 28.04.2025; approved after reviewing 06.05.2025; accepted for publication 02.09.2025.

* * *